

— Похоже, это платье с запахом — фасон времен династий Цинь и Хань? — спросила Фан Дицзи.

Она кивнула, слегка улыбнулась, приняла из рук Фан Дицзи платье цвета озерной зелени с узором из сосновых и кипарисовых ветвей, помогла ей продеть руки в рукава, завязала не слишком длинную правую полу на левой завязке, затем прикрыла левой треугольной полкой правую подмышку и завязала её, спрятав правую полу внутрь. Длинный треугольный подол дважды обернулся вокруг её ног — так получился двойной запах.

Одевшись, Фан Иту отказалась от предложения Ху Бань сделать причёску, быстро уложила волосы в такой узел, который не расплелся бы ни в драке, ни в кувычках, закрепила его тремя парами коротких шпилек, надела на шею золотой ошейник с нефритовым замком и собралась уходить.

Ху Бань, сидя у окна с пальцами в руках, смотрела на неё и мягко проговорила:

— У тебя бледное лицо, нанеси немного румян, будешь выглядеть свежее.

Фан Иту поджала тонкие губы, опустила взгляд своих тигриных глаз и с глубокой печалью ответила:

— Сестрица Ху, ты не знаешь... Сейчас мне положено соблюдать траур по мужу.

Ху Бань удивилась:

— Я видела, что тогда произошло, и немного знаю подоплеку. Раз уж этот Фан Ло предал тебя, то и казнили его по заслугам. К чему тебе соблюдать траур по такому человеку? — Хотя жена и должна чтить память мужа, но в твоём случае... даже если бы ты этого не делала, никто бы тебя не осудил.

Фан Иту ответила:

— Как-никак, мы были мужем и женой... целых два года. — Ну да, я знаю, в каком мире живу, и знаю, как сохранить репутацию. Только верные подданные, почтительные сыновья, добродетельные вдовы и праведники могут заслужить милость небес. Подумать только, три статуса у меня уже есть, нельзя из-за пустякового траура позволить всяким придиркам говорить, что у меня проблемы с женской добродетелью. Хотя номинально траур по Фан Ло, на деле я скорблю по Чэнь Ляну, Ван Цяню и Цзинь Унян. Кто же виноват, что в этом мире не принято матери соблюдать траур по приемному сыну? Приходится прикрываться этим предлогом, заодно вычеркивая пункт, по которому меня могли бы порицать.

В глазах Ху Бань, помимо мягкости, промелькнуло восхищение. Её голос внезапно дрогнул, словно она готова была заплакать, но сдержалась.

Вошли Цзи Цзи и ещё одна небожительница. Цзи Цзи, нахмурившись, не поднимала красивых глаз от пола и холодно произнесла:

— Госпожа вызывает Хоу Чжунсяо.

Фан Иту поклонилась, попрощалась с Ху Бань и последовала за всегда прохладной Цзи Цзи. Они миновали несколько тропинок, прошли сквозь сад с диковинными цветами и травами, обогнули дворцовые стены. Фан Иту случайно бросила взгляд в сторону и замерла, словно пораженная молнией, издав удивленный возглас.

Цзи Цзи тихо хмыкнула.

Чэнь Лян, Ван Цянь и Цзинь Унян стояли у стены, не сводя глаз с дороги. Они снова были в облике юношей в белых одеждах и, подобно другим небожителям, стояли с опущенными головами в ожидании. Услышав голос Фан Дицзи, они невольно хотели обернуться, но, помня о приличиях, не смели оглядываться.

Когда Фан Иту проходила мимо, дети едва не вскрикнули, но она слегка махнула рукой, призывая их к осторожности.

Даже когда они вошли в зал, Фан Иту не удержалась и оглянулась на троицу, все еще пребывающую в изумлении, из-за чего чуть не споткнулась о порог.

Чжай Нянь бесшумно стояла у двери, опустив руки. Увидев ошеломленное лицо Фан Иту, она слегка улыбнулась, и в её глазах, которые, казалось, только что плакали, светилась радость.

Золотая Мать, восседая на троне, смотрела, как Фан Иту, сдерживая волнение и вопросы, сделала несколько шагов вперед и с глубоким почтением и благодарностью совершила три поклона и девять земных поклонов. Она холодно произнесла:

— Довольно.

Голос Фан Иту звучал так, будто она вот-вот расплачется. Она помедлила, лежа на полу, и поднялась:

— Ваша подданная Фан Иту благодарит Госпожу за великую милость.

Золотая Мать слегка улыбнулась:

— Как тебе жизнь на Небесах?

Фан Иту ответила несколько невпопад:

— Небесный дворец — место высшего блаженства, я бесконечно благодарна.

Золотая Мать сказала:

— У меня есть дело, которое я могу поручить только тебе, ибо никто на Небесах с ним не справится. — Её благородное лицо омрачилось гневом. — Моя седьмая дочь, Чжан Босуй, взбунтовалась, сбежала с Небес и тайно вышла замуж за смертного. Иди и положи этому конец.

Фан Иту спросила:

— Позвольте узнать, Госпожа, какой именно конец должен быть положен?

Золотая Мать с усталым раздражением бросила:

— Постарайся сделать всё, что в твоих силах.

Голос Фан Иту прозвучал твердо и решительно:

— Какой результат нужен Госпоже, такой я и обеспечу.

Золотая Мать задумалась:

— Заставь Босуй признать свою вину перед мной... — Лицо Золотой Матери было несравненно прекрасным, она слегка нахмурила брови, в её глазах стояли слезы, а губы были плотно сжаты. Несмотря на гнев, она сохраняла величавость, но голос её дрогнул. — По крайней мере, пусть она перестанет меня обвинять... Остальное спроси у третьей принцессы.

— Слушаюсь, Госпожа.

Золотая Мать вздохнула и, вернув себе величественный тон, добавила:

— Твоя домоправительница покончила с собой, последовав за госпожой. В память о её верности я возвысила её до земного бессмертного. То же самое ждет и трех твоих приемных детей. Ступай.

Фан Иту снова поклонилась и, пятась, почтительно покинула зал. Чжай Нянь также поклонилась Золотой Матери и последовала за ней.

Выйдя за дверь, Фан Иту закрыла её, отвела Чжай Нянь в сторону и с нетерпением спросила:

— Как ты здесь оказалась? В столице что-то случилось?

— Ничего не случилось, кроме того, что тебя не стало. — Чжай Нянь всхлипнула, её колени подогнулись, и она опустилась на землю. Заливаясь слезами, она ухватила за рукав Фан Иту, подняла голову, и в её больших глазах читались печаль, радость, тоска и обожание. Её голос, чистый, как пение иволги, звучал нежно: — Фан Ло был публично казнен на Восточном рынке. Император издал указ о возведении храма в твою честь, твою табличку поместили в Таймiao для поклонения, а Вэй-гун лично возглавил траурную процессию. Я полгода охраняла твою могилу, но не могла не прийти за тобой.

Фан Иту обняла её, как только та опустилась на колени, помогла подняться и тихо успокоила:

— Всё хорошо, всё хорошо. Нет худа без добра. Не плачь, вот мы и встретились снова. — Её голос, лишенный излишней мягкости, с легкой хрипотцой, звучал надежно и уверенно.

Цзи Цзи холодно заметила:

— Хоу Чжунсяо, оставьте разговоры на потом. Это Яочи, подобные рыдания и объятия нарушают этикет.

Фан Иту обернулась, поманила детей и сказала Цзи Цзи:

— Госпожа Цзи права. Прошу, ведите. — Она взяла Чжай Нянь под руку, а в итоге и вовсе обняла её за талию, чтобы поддержать девушку, чьи ноги ослабели от шока и счастья.

Из-за поворота вышла третья принцесса и окликнула:

— Чжигуй! Что моя мать велела тебе сделать с седьмой сестрой? — Тон её был бесцеремонным, но манера говорить — простой и непосредственной, что делало её очень милой.

Чэнь Лян и остальные лишь мельком взглянули на неё, но тут же были ослеплены её неземной красотой. Они ущипнули себя за руки и, покраснев, поспешно опустили глаза.

Фан Иту разжала объятия, сложила руки в поклоне:

— Приветствую третью принцессу. У Госпожи действительно есть поручение, и я как раз собиралась просить вас о наставлении.

— Ой, перестань, — третья принцесса моргнула своими яркими, глубокими глазами и покраснела. Её красота была несравненной даже на Небесах, а смущение делало её еще более прелестной. Фан Иту, хоть и сама была женщиной, засмотрелась. Принцесса добавила: — Чем я могу тебе помочь? Ты ведь такая умная... Ой? Это же Чжай Нянь? Как ты попала на Небеса? У Фан Чжигуй проблемы с делами?

Чжай Нянь поклонилась вместе с Фан Иту. Она не знала местных порядков, но старалась вести себя достойно, чтобы не опозорить свою госпожу. Скрыв печаль, она спокойно ответила своим чистым, деловитым голосом:

— Отвечаю третьей принцессе: Фан Ло был казнен, Император приказал возвести храм в честь Фан Дицзи, Вэй-гун с племянницами и племянниками соблюдают траур, всё идет своим чередом.

Третья принцесса с сожалением посмотрела на Фан Иту:

— Всё хорошо, кроме того, что ты умерла.

Фан Иту безразлично улыбнулась, и её хрипловатый голос прозвучал с особой выразительностью:

— Жизнь и смерть предопределены, не стоит идти против судьбы. Если третья принцесса не откажет в совете, я приду к вам, чтобы вы просветили мой недалекий ум и не дали совершить ошибку. Можно ли?

Принцесса ответила:

— Я как раз свободна, заходи ко мне поболтать. Чжигуй, у тебя бледный вид, ты плохо себя чувствуешь?

Фан Иту перестала улыбаться, вздохнула и сказала:

— Я соблюдаю траур по Фан Ло. Хотя... мы были мужем и женой, и, если не считать того, что в конце он пырнул меня ножом, он был неплох. К тому же траур — это обряд, верность — добродетель, а обряды нельзя нарушать. — Она завела руку за спину, высвободила её из длинного рукава и сделала детям знак молчать.

Цзи Цзи слегка замедлила шаг, но, сделав вид, что ничего не слышала, пошла дальше.

Третья принцесса покачала головой:

— Зря ты это! Если бы ты вышла за Чжай Нянь, это было бы куда лучше, чем за него.

Фан Иту весело покачала головой и тихо рассмеялась:

— Будь я мужчиной, непременно женился бы на такой добродетельной и умелой женщине, как Чжай Нянь. Но, к сожалению, я тоже женщина, тут уж ничего не поделаешь. — К этому моменту они дошли до её временных покоев. Она поклонилась, приглашая принцессу войти первой, а затем, обернувшись к приемным детям, строго приказала: — Третья принцесса слишком красива, вам запрещено на неё смотреть, идите медитировать и успокаивать мысли.

Ху Бань принесла чай. Заметив, что Фан Дицзи настроена на серьезный разговор, Чжай Нянь отошла в сторону, чтобы расспросить Ху Бань о правилах этикета.

Фан Иту взяла тонкую, как крыло цикады, нефритовую чашку, отпила ароматного чая и спросила:

— Третья принцесса, расскажите, что случилось с седьмой принцессой, госпожой Чжан Босуй?

Принцесса достала из рукава ароматный помело, разломила его и протянула половину Фан Иту:

— Мы иногда спускаемся в мир смертных погулять. Кто бы мог подумать, что Босуй в прошлый раз молча выйдет замуж? Матушка велела ей вернуться, а она не хочет, говорит, что теперь принадлежит семье мужа, даже ребенка родила. Матушка в ярости сослала её в мир смертных.

Все на Небесах, кроме двоюродного брата Яна, пытались её вразумить, но без толку. Недавно Босуй написала несколько полных обиды писем, матушка так разозлилась, что чуть зубы не сточила от гнева.

Фан Иту, сохранив спокойный и вежливый вид, отложила помело, посмотрела на принцессу с любопытством и спросила:

— Позвольте узнать, какие хитрости, помимо уговоров, вы применяли?

Принцесса, откусив кусочек ароматной мякоти, задумалась:

— Угрозы, подкуп, лесть, запугивание, женские чары... всё, что можно было использовать. Её муж, надо признать, неплох: готов был отказаться от богатства, смелый, не поддался на искушение. Матушка посылала людей забрать седьмую сестру, они даже договорились покончить с собой — и это было по-настоящему.

Фан Иту, как будто ведя светскую беседу, пила чай и ела помело, доверительно сказав:

— Ого, неплохо. А ребенок? Сколько ему лет?

— Не пытайся выведать у меня всё подряд, я тебя знаю! — Принцесса схватила её за руку, её глаза загорелись азартом. — Если есть идеи, говори прямо! Я знаю, что каждый раз, когда ты заводишь светскую беседу, ты что-то замышляешь. Говори скорее, ты хочешь похитить её сына?

— План есть, но он требует доработки. Я не знаю характера седьмой принцессы и того, какой результат устроит Госпожу. — Фан Иту слегка приподняла брови. — Если третья принцесса окажет мне содействие и даст пару советов, я добьюсь успеха.

Принцесса хлопнула её по плечу:

— Я свободна! Что нужно, говори, я пойду и попрошу у старшей сестры...

<http://bllate.org/book/21775/2251797>